

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 3–17.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКОН

Воеводин А. П.

Доктор философских наук, профессор, г. Луганск.

E-mail: voevodin.47@mail.ru

Социальный закон рассматривается в статье как устойчивая форма социального движения или, иными словами, как способ социального бытия. Теоретическое изучение социального закона чрезвычайно затруднено психологическими особенностями его индивидуальной рефлексии и наличными формами самосознания. В этой связи в статье рассматриваются главная загадка и сущностные способы бытия социального закона, решающим из которых является целенаправленность человеческой деятельности, которая составляет фундаментально неустранимую основу социального закона. А это означает, что социальный закон, в отличие от естественного, невозможен вне индивидуального целеполагания, психологического переживания и рефлексии цели в специфической знаково-символической форме. Форма социального движения виртуально осознается людьми как целесообразный способ реализации конкретного интереса и достижения желаемой цели. Тем самым социальный закон принципиально отличается от естественного закона своей искусственно создаваемой целесообразной формой человеческой деятельности. Последующее сравнение социального и природного законов обнаруживает их парадоксальные отличия, которые анализируются в настоящей публикации. Изучение социального закона сталкивается с парадоксами всеобщности, объективности, целесообразности, индетерминизма.

Ключевые слова: индетерминизм, смысловое поле, социальный закон, социальная эмоция, социоперформации, целесообразная деятельность.

Бытие человека – это социальное бытие, его жизнь – это всегда жизнь в обществе, среди людей: «Мы обнаруживаем человека – самих себя или других людей – всегда внутри конкретного контекста, внутри создаваемой другими людьми среды» [1, с. 84]. Вместе с тем это индивидуальное и неустранимо личное бытие, которое каждым конкретным индивидом персонально переживается как уникальный экзистенциальный проект в бесконечно разнообразном социокультурном универсуме. Причем этот универсум (духовный и вещный) изначально ощущается каждым как естественное условие, неотъемлемый ресурс, привычная, вплоть до незаметности, среда индивидуального существования, в которой люди узнают самих себя и вне которой личная жизнь становится бесцельной и бессмысленной. И как бы болезненно остро индивид не переживал свою собственную исключительность, единственную достоверность ощущений собственного «Я», он делает это только в сравнении с другими индивидами, посредством уподобления (психологического отождествления) себя другим людям. В этом пугающе бездонном, бесконечно возобновляющемся объективном

противоречии субъективно-индивидуального и объективно-всеобщего кроется фундаментальная загадка социального закона, загадка установления источника и вектора движения индивида и общества – социальный закон осуществляется в уникальном движении отдельных индивидов, но вместе с тем является настолько всеобщим, что его сущность не зависит от своеобразия индивидуальных интенций творящих этот закон людей.

Является ли он исключительным продуктом сознательно продуманных действий одиночки, складывается ли он в результате случайного столкновения движений отдельных индивидов или каким-то чудесным образом обнаруживает себя, как в случае божественного промысла, в иррациональных устремлениях озабоченных личными страстями людей – решающим критерием его характеристики именно как закона является объективность, то есть независимость от сознания и воли каждого отдельного индивида. И здесь озадачивает когнитивная антиномичность в понимании онтологии социального закона – как же так, социальный закон есть результат деятельности людей, но в то же время, в силу своей объективности, социальный закон не зависит от уникальных субъективных желаний творящих и выполняющих этот закон индивидов. Так зависит или не зависит социальный закон от сознания индивидов: если зависит, то каким образом он обретает свою объективность, а если не зависит, то от чего он тогда зависит, когда не зависит от сознания и воли создающих его людей?

Поиск ответа на эти и связанные с ними теоретические проблемы выявления специфики социального закона являются основной целью публикации. Научно-теоретическая основа для подобного рода исследований во многом была подготовлена усилиями Маркса в его материалистических представлениях о закономерностях развития общества как «естественно-историческом процессе». Предшествующая ему философская мысль исходила из аристотелевского деления наук на логику, физику и этику, ареной которой «считалось общество и общественная (культурная) жизнь во всем богатстве ее проявлений; предполагалось, что в отличие от природы и в противовес ей вся опосредованная сознанием (знанием, разумом) область совместной жизни, включая политику, экономику, решающим образом зависит от решения, выбора людей, меры их добродетельности. Поэтому неудивительно, что этика понималась широко и включала в себя все, что относилось ко второй, самосоздаваемой человеком природе, а социальная философия именовалась моральной философией, по традиции она еще иногда до настоящего времени сохраняет это название» [14, с. 10]. Репрезентируемый такого рода философией идеалистический подход, а по сути – волюнтаристский, в интерпретации социальных явлений не мог служить надежным теоретическим основанием научного изучения общества. Для его преодоления потребовалось ввести в научный оборот представление о материально-предметной человеческой деятельности как фундаментальной основе материалистического понимания истории и общественной жизни. Вдобавок ко всему понимание специфики проявления и своеобразия действия социальных законов во многом все еще остается в русле естественно-научной интерпретации закона, что также является сдерживающим фактором в изучении законов общества.

Начнем еще раз с начала в попытках «нащупать» путь к решению загадки парадоксальной онтологии социального закона. Действительно, индивидуальный человек живет и действует в сложном мире социальных отношений, в том числе и персонально им создаваемых. Но его самостоятельное движение вовсе не спонтанно и не произвольно, как это может казаться с точки зрения обыденного сознания. Элементарные эмпирические наблюдения показывают, что автономное социальное действие взрослого индивида всегда происходит в соответствии с невидимыми «виртуальными рельсами» – существующими культурными нормами и правилами, эмоционально и коллективно одобряемыми стандартами повседневного человеческого поведения и профессиональной деятельности. Последние, «существуя в уме», обеспечивают устойчивость культурного воспроизводства регламентируемых обществом целесообразных форм социальных действий. Отклонения от правил социального движения обычно интерпретируются как невежество или некультурность, а их сознательное поправление – как варварство или дикость.

И это удивительно, ибо правила социальной жизни имеют не вещественно-материальную, а знаково-семантическую атрибутивную форму, то есть не обладают самостоятельной физической предметностью и не редуцируются к отдельно и самостоятельно существующим физическим или биологическим субстратам. Этому феномену удивлялся еще Маркс, когда тщетно пытался найти предметное основание бытия стоимости и, отчаявшись, однажды саркастически высказался в том духе, что «стоимость тем и отличается от вдовицы Квикли, что не знаешь, как за нее взяться». Поэтому движение общества невозможно регулировать простым физическим воздействием подобно тому, как мы регулируем, например, подачу и направление движения воды. Слепое физическое воздействие способно разрушить или уничтожить общество, как это происходит в случае эпидемий или природных катаклизмов, но оно не в состоянии отменить или просто изменить культурные правила его самостоятельного движения. Иначе говоря, движение индивидов в обществе стимулируется и регулируется символическими (знаковыми) средствами. Как резонно замечает Дарио Салас Соммэр, «обычный человек всего лишь слуга, послушный инструмент, подчиняющийся приказам информации, находящейся в его мозгу» [2, с. 20].

По этой же причине сущностные закономерности движения общества недоступны естественно-научным, вещественно-экспериментальным исследованиям, поскольку социальное действие культурно и психологически обусловлено, то есть имеет нередуцируемую к материально-предметному плану *целесообразную* ценностную направленность и соответствующую виртуально-знаковую, целесообразно-смысловую, а значит, и несводимую к самому материальному действию эмоционально выстроенную атрибутивную форму. Уточним, что любой закон, как мы его понимаем, – это устойчивая форма (в обществе – способ) движения вещи. А так как со времен Гегеля в методологии науки принято полагать, что метод должен быть сообразным предмету исследования – в его определении «метод – это душа содержания», – то в отличие от естественно-научного знания теоретическая рефлексия закономерных способов

социальной регуляции обязана не просто учитывать эмоционально-целенаправленный и виртуально-нормативный компонент социальной формы движения, но также должна быть способной к его адекватному воспроизведению и семантической интерпретации. Указанное обстоятельство побудило исследователей к поиску адекватных методологических оснований гуманитарного знания и способствовало утверждению герменевтики, аксиологии и праксеологии в социальных исследованиях. Аксиогерменевтика социального закона становится возможной благодаря тому, что, во-первых, социальные эмоции и репрезентируемые ими ценности не являются спонтанными и произвольными, но соответствуют установленным обществом целям социальной деятельности и потому носят *над*индивидуальный, социально значимый и обобщенно типизированный, стандартный характер, во-вторых, их теоретическая рефлексия (или голос общества в человеке) позволяет наблюдать чувственные состояния социального субъекта (общества) по поводу целей деятельности, устанавливать соответствие сформулированным целям, совершаемые и переживаемые индивидами социоперформации (социальные действия), на этом основании оценивать и корректировать социальное движение.

Итак, эмпирически наблюдаемое отличие социального закона от физического кроется в его психологической (виртуально-семантической) обусловленности и целесообразном характере. Всякое сознательное действие, говорится в начале «Никомаховой этики», некоторым образом целенаправленно [3, с. 54]. А это значит, что всякое социальное правило, всякий социальный закон принципиально отличается от естественного автоматизма и объективной принудительности природного закона своей *искусственно создаваемой целесообразной формой*. Причем независимо от направленности индивида то ли на реализацию отдельных целей во внешнем мире, то ли к собственному бытию, которое в таком случае становится автономной целью человеческого внимания. Такая автотелеологическая, то есть имеющая цель в самой себе, самообусловленность человеческого действия, есть важнейшая предпосылка социального самоопределения индивида в его выборе целенаправленной формы (закона, способа) своего социального движения.

Социальную целенаправленность человеческой деятельности следует отличать от природной целесообразности. Решающее отличие здесь, как уже было отмечено, состоит в знаково-символическом проектировании социального действия (закона). Структура целенаправленной человеческой деятельности включает в себя:

- 1) интерес или цель – гносеологический образ *желаемой* вещи или процесса;
- 2) предмет преобразования;
- 3) необходимые материальные ресурсы – вещество, энергия, время, пространство;
- 4) необходимые интеллектуальные ресурсы – понимание (или знание) устройства изменяемой части мира (объекта деятельности);
- 5) необходимые аксиологические ресурсы – идеологические представления о социальных ценностях, обширная сфера социальных чувств;

6) социальный (культурный) опыт – образцы, нормы и правила человеческого мышления, чувствования и человеческой деятельности;

7) имеющиеся артефакты – средства и технологии, орудия мышления и практической деятельности;

8) виртуальное (знаково-символическое) представление о непосредственной технологии (сценарии, способе) реализации интереса и достижения цели (успешность деятельности зависит от знания законов и, соответственно, технологически рационального сочетания предмета преобразования и средств ради достижения цели. Знание технологии создает протенциальное ощущение предвкушения успеха и уверенности в достижении цели);

9) способность контролировать (оценивать) сообразность совершаемых действий реализации намеченной цели;

10) движущее человеческую активность желание (*аскиологический образ цели*, социально выращенную эмоцию).

Таким образом, целенаправленность человеческой деятельности составляет сущностный способ бытия, фундаментально неустранимую основу социального закона. Категория цели занимает центральное место в характеристике акта любой, в том числе и познавательной, человеческой деятельности, поскольку именно сообразно цели сфокусированы и (техно)логически согласованы все прочие компоненты структуры деятельности. Эта мысль наблюдательно сформулирована А. Огурцовым: «Деятельность предполагает рационально формулируемые цели, рациональный выбор средств, сравнение целей и выбранных средств, рационально обоснованное принятие решения, целенаправленные акты деятельности и, наконец, объективные результаты, далеко не всегда совпадающие, а некоторые часто даже противоречащие поставленным целям» [4, с. 193]. Заметим, что выражения «сравнение целей», «выбранных средств», «обоснование принятия решения» в сущности своей представляют *оценочные акты*, которые помимо прочего предполагают наличие критериев оценки или уже установленных ценностей, как точки отсчета успешности или эффективности совершаемой деятельности. Иначе говоря, *ценностно-оценочный момент неустраним из целесообразной структуры человеческой деятельности*, является ее неотъемлемой, экзистенциально-определяющей частью и представляет собой психологический механизм сознательного (или культурного) контроля взаимодействия средств и профессиональных технологий субъекта деятельности с точки зрения мыслимой и эмоционально переживаемой цели. А поскольку соотношение цели, предмета преобразования, средств и самой деятельности происходит в материальном предметном мире и в своей основе опирается на физические процессы, то оценка, хотя зачастую и осуществляется эмоционально, по своей сути не может быть исключительно личностно-субъективной, так как призвана учитывать объективные причинно-следственные взаимозависимости и конструктивно-технологические законы связи средств, предмета труда и искомого результата деятельности.

Кроме того, использование категории цели в нашем контексте необходимо для обоснования ценностной мотивации и аксиологического сопровождения социокультурной деятельности людей. Цели как психологические образы

деятельного социального индивида не появляются «внезапно вдруг», не рождаются спонтанно из иррационального небытия, но вполне объяснимо по своему происхождению и структуре являются психологическим способом осознания и фиксации устойчивых социальных интересов. Образ цели представляет собой психологический способ осознания побуждений конкретного человека, внутреннего ощущения его желаний и поэтому неразрывно связан с эмоциональными интенциями индивида [5, с. 35–37]. А поскольку эмоции, как полагает П. В. Симонов, являются психологическим способом представления потребностей в коре головного мозга [6, с. 26], то образ социального интереса как аксиологический образ цели деятельности всегда эмоционально окрашен, то есть содержит в себе определенную ценностную значимость для субъекта деятельности. Тем самым программный образ цели деятельности (а с ним и виртуальный проект социального закона) формируется в результате ценностной обусловленности мотива деятельности и представляет собой культурный способ психологической репрезентации ценности в сознании субъекта деятельности, которая принудительно для последнего предопределяет вектор и выбор наличного технологического способа культурной деятельности, в том числе и культуротворческой.

Социальное движение первоначально зарождается в эмоционально окрашенных желаниях-представлениях индивидов, затем семантически (знаково-виртуально) моделируется в образе целерациональных планов (виртуальных культурных проектов-представлений о технологических сценариях и правилах) достижения желаемых целей и лишь после волевого принятия решения о действии результативно «опредмечивается», то есть объективируется, становится внешне материальным, предметно реализуется в совместной согласованной деятельности множества людей. При этом следует постоянно помнить, что *социальная эмоция* как неотъемлемый элемент мотивационно-волевой сферы *является источником, движущей силой, корректирующим механизмом и конечной целью* социального действия. Ни одно социальное действие как собственно человеческое действие не совершается без участия социальных эмоций. С известной долей правоты можно утверждать, что для социального действия *эмоции значат больше, чем мышление*, о чем свидетельствуют многочисленные примеры социальных манипуляций, («цветных» революций) в которых социальная эмоция рассматривается в качестве главного неотъемлемого элемента социального действия и его закона.

Именно поэтому «человеческая эмоция» вовсе не является эпифеноменом – случайным психофизиологическим фактором, но напротив – социально формируемым и *культурно регламентируемым типическим переживанием* (чувством), необходимый типологический стандарт которого задается объективной структурой типовой практической ситуации и задачами конкретного целесообразного акта [5, с. 134]. Культурно сформированные, на основе биологически врожденных (базовых, ключевых) эмоций, социальные чувства представляют собой эмоциональные обобщения повторяющихся практических ситуаций, а поэтому они суть важнейший и неустраняемый элемент практического разума. Если порядок действий в целесообразном акте структурно определяется через цель, то, во-первых, побуждение к действию всегда включает в себя

адекватную цели эмоцию, а во-вторых, сами действия структурно связываются в целостный технологический сценарий на фоне стандартных (культурно сформированных) эмоций. Неоправданное игнорирование эмоциональной обусловленности социального действия – *безусловного сквозного присутствия социальной эмоции* во всех его элементах и *объединяющей отдельные, причинно не связанные движения и предметы в цельную целесообразную структуру* – является принципиальным теоретическим недостатком большинства антропологических, социально-политических, этических и культурологических исследований. В конечном итоге это сущностные издержки панрационализма в социальных исследованиях.

Итак, в отличие от природно-фаталистической неотвратимости естественно-научного закона модально-вероятностная специфика социального закона выражается в следующем: для того чтобы предметно осуществиться, *социальный закон предварительно должен быть осознан*, то есть виртуально, в той или иной знаково-теоретической или чувственно-ментальной форме «пройти сквозь желание и волю» людей, и, более того, должен иметь возможность быть *индетерминистски свободно выбранным* из ряда возможных вариантов социокультурного действия. Другими словами, социальный закон должен предварительно культурно и психологически обрести *необходимую и объективно адекватную эмоционально окрашенную идеально-целесообразную форму*, желаемый результат своего опредмечивания в «вещном» горизонте человеческой жизнедеятельности. И в этом кроется его главная интригующая особенность – парадокс заключается в том, что, несмотря на то, что социальный закон зарождается в субъективных психологических представлениях, он тем не менее не перестает быть объективным, т. е. независимым от сознания и воли выполняющих его людей. Социальный закон объективен в такой же мере, в какой объективно общественное сознание.

Напомним, что главное требование к открываемому наукой закону – быть объективным, не зависеть от произвола субъективных предпочтений и фантазий отдельных личностей. Иначе он не будет законом. Но в то же время ни одно социальное изменение не совершается без субъективного желания людей. Тот же закон стоимости, например, не реализуется, если у человека не появится желание купить или продать что-либо. И это поразительно – социальный закон зарождается в сознании людей, семантически оформляется в виде программного сценария достижения цели, реализуется в человеческих действиях под руководством сознания, то есть *зависит* от сознания, *но не определяется* сознанием и волей людей!

В свете объяснения целесообразной обусловленностью всякой человеческой деятельности этот парадокс выглядит еще более остро на фоне естественного детерминизма природного закона. В научной среде принято считать, что физический закон представляет собой объективную последовательность причинно следственных зависимостей, знание о которых позволяет объяснить и предвидеть характер движения вещей в предметном мире. Но когда дело касается закономерностей движения общества, то естественно-научный способ объяснения, а тем более естественно-научное предвидение грядущих социальных изменений

становится катастрофически беспомощным и годится в лучшем случае лишь для феноменологического описания характера движения внешней предметной формы социума. Например, законы акустики или оптики не могут раскрыть социальный смысл произведений искусства, равно как и законы генетики, на которые так часто любят ссылаться в объяснении человеческих поступков, бесполезны в объяснении этнических (религиозных, нравственных, политических, эстетических и пр.) смыслов и особенностей поведения людей, поскольку *гены отвечают лишь за синтез белка и ничего собственно человеческого в себе не содержат*. Не случайно биологический редукционизм служит оправданием самых невежественных и бесчеловечных политических программ, социальных теорий.

Парадокс здесь в том, что предписываемые обществом нормы и правила целесообразных человеческих движений *не подчиняются каузальной связи* – они могут следовать во времени одно за другим, но при этом из одного правила другое причинно не вытекает – «*post hoc non est propter hoc*». Соответственно, из одного человеческого действия другое не следует в силу природной причинной неотвратимости, подобно тому как порядок складывания букв в слова, цифр в числа, звуков в мелодию, красок в образы или стилистический порядок следования слов в человеческой речи обуславливаются целесообразно-смысловыми или эмоционально-стилистическими, а не причинными механизмами. По справедливому наблюдению Декарта, в движении мысли нет никакой гарантии, что из одной мысли может возникнуть другая. Чтобы мыслить закон, необходимо мочь собрать несвязанные для большинства людей вещи и держать их целесообразно собранными, что равносильно установлению (открытию? изобретению?) нового правила, нового закона движения не только мысли, но и физической деятельности людей.

Тем самым по своему происхождению общество и культура оказываются изначально креативными, появляются в результате отрицания (преодоления естественно-фаталистической предопределенности) биологической, в том числе и психологической, формы движения. Как надприродное социальное существо человек обречен на виртуальную свободу в изобретении способов реализации заветных желаний. Искусственный порядок (технологический сценарий) последовательной цепочки человеческих движений также диктуется избираемым волевым способом конструктивно-технологическим решением о способе использования средств в процессе достижения цели в целесообразной структуре практического действия. «Хитрость разума», по меткому замечанию Гегеля, позволяет произвольно создавать небывалые сочетания уже известных законов ради достижения желаемого результата. И в этом смысле свободно выстраиваемая телеологическая структура человеческой деятельности внешне также выглядит субъективно определяемой, что часто служит основанием для волюнтаристских и субъективно-иррационалистических тенденций в антропологии и социологии.

Но в то же время и это неоспоримый факт, такая последовательность не может быть сугубо произвольной, иначе человек не смог бы достигать намеченных целей. Свобода материального движения принципиально отличается от свободы желания и свободы мышления. Эффективный и результативный порядок

человеческих действий должен учитывать объективные физические, в том числе и причинные, отношения вещей в структуре целесообразного акта. Физическая определенность структуры природного объекта оказывает конституирующее воздействие на структуру деятельности человеческого субъекта, обеспечивая тем самым возможность адекватного воспроизводства форм человеческих действий и практических ситуаций. Лишь строя свою деятельность в соответствии со структурой объекта, например при изготовлении каменных орудий труда, человек может добиться нужного результата. В противном случае игнорирование особенностей объекта может сделать не только бесполезными затраченные усилия, но и, как это не раз случалось, причинить вред и даже привести к гибели человека, государства, всего общества. И закон адекватности способа деятельности объекту деятельности является лишь одним из возможных проявлений этой фундаментальной особенности социума. Свобода творчества как раз и нужна для нахождения (угадывания, подбора, конструирования) такой адекватности.

Таким образом, одно из возможных объяснений парадокса заключается в том, что *объективная закономерность социального действия предопределяется физически объективным отношением средств и цели*, а точнее, материальным взаимодействием вещей в структуре целесообразного акта. А это значит, что объективным характером обладают не только непосредственные социальные акты – процессы материального опредмечивания (овеществления и отчуждения) субъективных целесообразных проектов, но и *само смысловое содержание и законы логической связи* предшествующих им субъективно-психологических представлений, если оно истинно («объективность» истины), в том числе и идеально воспроизводимые смысловые модели закономерностей физического взаимодействия вещей. Неистинные целесообразные проекты, которые игнорируют закономерные причинно-следственные связи вещей, неизбежно ведут человека к поражению, и тогда случается типичная ситуация неудачи, выраженная формулой – «хотели как лучше, а вышло как всегда».

Кроме того, *целесообразная принудительность социального закона* отличается от природной объективности причинно-следственной детерминации тем, что для своей инвариантной реализации *нуждается во всеобщем идеальном смысловом поле* субъективно-человеческого взаимопонимания, *общезначимая однозначность* которого подкрепляется санкционными механизмами социального признания-одобрения или осуждения-порицания. Совместное социальное действие невозможно вне всеобщего смыслового согласия, однозначного понимания смысла целесообразного сценария (технологии) действия, так как индивидуальные отклонения от него изменяют характер цели (эмоции в том числе) и угрожают единству общности людей, необходимому для совместной реализации общих интересов. Поэтому любое общество стремится к идеологическому (эмоциональному) и культурному единству, закрепляемой в традиции нормативной предсказуемости поведения индивидов.

Горизонт всеобщности смыслового поля, с одной стороны, определяется границами живой социальной системы (общности людей), а с другой – устанавливает пространственные параметры действия социального закона.

Отрицание общезначимых правил, в сущности, означает отрицание конкретной формы социального движения или конвенционально установленной социальной закономерности. Соответственно, уничтожение традиции как культурного способа воспроизводства социального закона разрушает социальное единство, угрожает существованию данной общности людей.

В этом также (в который уже раз) настойчиво проявляется парадоксальность социального закона – искусственная целесообразная форма социального действия или артефакта создается сознательно (виртуально), творческими усилиями субъектов социального процесса, но обретает, будучи однажды «опредмеченной», статус объективности и становится независимой от воли и желания отдельных людей. Именно смысловая однозначность целесообразного действия, закрепляемая в нормативно-идеологическом согласии индивидов в социальных сообществах, обеспечивает принудительную объективность и фатальную неотвратимость осуществления социального закона, его независимость от волюнтаризма желаний отдельных людей. Как тут не вспомнить известный идеологический постулат: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

Но каким же образом достигается однозначность смыслового понимания социальных процессов у различных индивидов, а тем более – каким образом становится возможным согласование их совместных действий? Если отвлечься от факта существования специализированных культурных способов стандартизации мышления и эмоций отдельных индивидов, например: образование, воспитание, просвещение, пропаганда, мода, массовая культура, искусство и т. п., а также грубых внешних форм дисциплинарного или основанного на страхе наказания насильственного принуждения, то в качестве непосредственной материальной основы социального закона, безусловно, следует рассматривать коллективную деятельность людей.

В общей теории социальной деятельности здесь системно важным оказывается аспект отношения деятельности к человеку. Деятельность может рассматриваться либо как непрменный атрибут, способ движения отдельного человека (что и как им производится, создается и осуществляется), как исходный универсальный принцип целостной характеристики социальной формы движения. При втором подходе, отмечает Г. Щедровицкий, «универсум социальной деятельности не может уже рассматриваться как принадлежащий людям, как их атрибут или приобретения, даже если мы берем людей в больших массах и организациях. Наоборот, сами люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в нее или как материал, или как элементы вместе с машинами, материалами, знаками, социальными организациями и т. д.» [7, с. 242]. Иначе говоря, «не отдельные индивиды создают и производят деятельность, а наоборот: она сама “захватывает” их и заставляет “вести” себя определенным образом» [7, с. 242]. Дело в том, что люди застают уже готовыми существующие формы социальной деятельности и посредством имитации и научения втягиваются в бесконечный водоворот социоперформаций, неустанно воспроизводя тем самым всеобщую смысловую логику действия социального закона. Исходные же формы социальной деятельности, как уже отмечалось, диктуются объективной

технологической зависимостью соотношения средств и цели, осознание которой делает любую человеческую деятельность информационной деятельностью.

Стараниями Маркса во многих современных теориях создателем очеловеченной действительности, всех предметных форм культуры, а также создателем самого человека посредством изменения вещей считается труд – высшая форма предметной деятельности [8, с. 188]. Понятие предметной деятельности – центральное понятие теории социальной деятельности. «Беспредметная» деятельность, то есть деятельность, которая не выполнялась бы ни в каком материальном субстрате и не воплощалась бы ни в каком объекте, принципиально невозможна: деятельность, не отнесенная к объекту, превратилась бы в неуловимый и мистический *actus purus* [9, с. 61].

Суть предметной деятельности, взятой в своем наиболее абстрактном виде как общий способ бытия человеческой культуры, раскрывается с помощью категорий *опредмечивания* и *распредмечивания*. Определенное (*Vergegenständlichung*) трактуется как преобразование деятельной способности человека в информационно-смысловую форму предмета, то есть как «процесс превращения свойств субъекта деятельности, выступавших в виде характеристик его способа действия, его движения и жизни, в свойства объекта деятельности, в характеристики, которые передаются человеком предмету и получают новую форму существования, неотъемлемую от своего предмета-носителя» [10, с. 12]. Распредмечивание (*Entgegenständlichung*) является обратным процессом перехода из форм предметности в форму собственно человеческого осмысленного движения, обусловленного данной формой предмета, в форму живой человеческой активности, в действующую способность. Г. Батищев обращает внимание на то, что распределенное является не потерей предметности, а только «погружением» ее в информационно-деятельностный процесс [11, с. 90–109].

Таким образом, социальная деятельность в ее конкретном определении (собственно предметная деятельность) рассматривается как конкретное тождество взаимообусловленных, взаимопроникающих и противоположно направленных процессов определенного и распределенного. Этот процесс не просто фундаментально закономерная черта социума и культуры, но представляет собой функциональное содержание культуротворческой деятельности, в процессе которого осуществляется непрерывное «оживление человека» – бесконечное воспроизводство и передача от поколения к поколению биологически ненаследуемой антропосоциальной информации. Неустанный функциональный процесс определенного и распределенного ненаследуемой в генах социальной информации как раз и представляет собой основной закон культурного или собственно человеческого движения.

Результатом коллективной деятельности людей является искусственный мир артефактов – социальное пространство или «общественное тело» человека. Как известно, артефакты имеют две формы – предметную (телесную, природный материал) и человеческую (культурные смыслы). Являясь функциональными органами «человека как такового», артефакты имеют однозначные нормативные инструкции своего функционального употребления или правила индивидуального

человеческого движения. В процессе своего нормативного использования-потребления артефакты непрестанно воспроизводят в сознании людей однажды опредмеченные в них человеческие смыслы и тем самым *создают единое социальное информационное пространство, всеобщее-человеческое смысловое поле*, основу культурной самоидентификации и согласованных совместных движений отдельных индивидов. Благодаря существованию артефактов, социальное пространство становится насквозь информационным, а движение общества представляет собой безумно сложный информационно-нормативный процесс. В рамках исследуемой проблемы это значит, что социальные законы, по сути, – это законы принудительного влияния культурной информации на взаимодействие индивидов в обществе.

Информационное измерение социального закона требует дополнительных разъяснений. Дело в том, что информация не является какой-то особенной физической вещью или свойством вещей, информация функциональна, а не атрибутивна, потому ее объективность загадочна – «она принадлежит самим вещам и событиям, миру феноменов, но ее не существует, если никто или ничто не может ее воспринять» [12, с. 11]. В такой формулировке главная мысль заключается в том, что вопреки классической модели Шеннона информация не передается, не состоит из сигналов, не имеет отправителя или получателя, вообще не трактуется как коммуникативный процесс: мир не является корреспондирующим субъектом и не общается посредством информации с живущими в нем реципиентами. Атрибутивная интерпретация информации как подлежащего восприятию сигнала ведет к бессмыслице существования мировой души, которая жаждет общения с нами. Напротив, информация не извлекается в готовом виде из вещей и не предстает перед индивидом как законченное театральное представление для созерцающего его зрителя, восприятие информации зависит от нас самих. Но также верно и то, что индивид не извлекает информацию из самого себя. Восприятие не существует вне того, что воспринимается. Информация не передается и не воспринимается, а воссоздается (или «прочитывается», «реконструируется») субъектом всякий раз заново, в процессе воздействия сигналов-раздражителей на его рецепторы и психику. А это значит, что индивида нужно научить воспринимать мир (в том числе и мир артефактов), то есть видеть, слышать, осмысливать мир *«по-человечески»*. В известном смысле информация неисчерпаема, как и неисчерпаем социокультурный опыт человечества. Еще Платон, рассуждая о сущности эйдоса дома, проникательно заметил, что есть у всех людей представление о доме. Однако домов много, они разные, они возводятся и разрушаются, люди также рождаются и умирают, но эйдос дома (в нашем смысле понятие или закон существования дома именно как дома) остается и обладает особым самостоятельным бытием, устанавливающим правила уникального телесного движения индивидов.

Здесь мы вновь сталкиваемся со сформулированными выше парадоксами социального закона – *парадоксами всеобщности, объективности, целесообразности и индетерминизма*. Если индивид не владеет «индетерминистским языком» культуры и в силу этого не способен адекватно распределить объективно существующую всеобщую социальную информацию, то

его уникальное субъективное восприятие артефактов препятствует реализации социального закона, что, в сущности, означает разрушение существующего нормативного способа воспроизводства целесообразного социокультурного движения, а в конечном итоге – уничтожение данного общества.

Напомним, что социальный закон действует в социальном пространстве. Социальное пространство информационно, это пространство символических артефактов и функциональных норм их культурного употребления. В известном смысле человек также является артефактом. Как свидетельствуют антропологические исследования, искусственность человека обнаруживается в процессе эволюционного подавления и отрицания биологических законов движения и формирования культурных навыков социальной деятельности [13, с. 23–25]. Сущностное содержание «человека как такового» как раз и составляют культурные, то есть одобряемые в данном обществе, нормы и правила совместного движения. Человек во всей всеобщности своего смысла как «виртуальные невидимые рельсы» «входит» в индивидуальное биологическое тело посредством имитации последним существующих форм человеческого движения и нормативного научения пользования артефактами, то есть распремечивания «окаменевшей» в них социальной информации. Таким образом, социальный закон реализуется в процессах индивидуального оживления-воспроизводства закодированной в артефактах информации и направляемой восприятием телесной индивидуальной предметной деятельности. Однако *в непосредственных актах индивидуальной деятельности социальный закон неизбежно искажается, «замутняется»* невежественными или ошибочными субъективными представлениями индивидов, нарочитым своеволием или вмешательством случайных внешних обстоятельств в процедуру материального действия. А это значит, что для обыденного восприятия он обретает внешние черты уникальности, субъективной обусловленности, природной детерминированности индивидуального телесного движения. Тем самым когнитивная рефлексия социальных закономерностей приобретает парадоксальный характер: глубинные сущностные черты социального закона – объективность, всеобщность, целесообразность, а с ней и осознанность, эмоциональность, неестественная искусственность, индетерминизм – скрыты для внешнего обыденного восприятия за видимостью креативной уникальности действующего субъекта, которая в действительности служит всего лишь способом угадывания необходимой объективной тенденции социального развития.

Иногда такие отклонения от нормы становятся эмоционально привлекательными для части индивидов, которые начинают им подражать. Как следствие, в определенной социальной среде формируются девиантные или маргинальные сообщества, а с ними и мода на отклонения, которая впоследствии может сформироваться в особую культурную традицию или новый социальный закон.

Список литературы

1. Шульц П. Философская антропология. Введение для изучающих психологию. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0474/4_0474-84.shtml#book_page_top (Дата обращения: 24.10.2017)
2. Салас С. Д. Мораль XXI века [Электронный ресурс] / С. Д. Салас – Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8346810 (Дата обращения: 24.10.2017).
3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 54.
4. Огурцов А. П. От принципа к парадигме деятельности / А. П. Огурцов // Эргономика: Труды ВНИИТЭ – М. : ВНИИТЭ, 1976. – Вып. 10. – С. 189–239.
5. Воеводин А. П. Эстетическая антропология: Монография / А. П. Воеводин. – Луганск : РИО ЛУГВД им. Э. А. Дидоренко, 2010. – 368 с.
6. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность. Мотивационно-эмоциональные аспекты / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1975. – 173 с.
7. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – С. 231–280.
8. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Издательство политической литературы, 1960. – Т. 1. – 920 с.
9. Лекторский В. А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания / В. А. Лекторский // Эргономика: Труды ВНИИТЭ. – М. : ВНИИТЭ, 1976. – № 10. – С. 60–67.
10. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики / Г. С. Батищев. – М. : Высшая школа, 1963. – 120 с.
11. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. – М. : Наука, 1969. – С. 79–144.
12. Попович М. Аналітична філософія культури / М. Попович // Культурологічна думка. – Київ, 2009. – № 1. – С. 9–18.
13. Воеводин А. П. Методологические вызовы философской антропологии / А. П. Воеводин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2015. – Том 1 (67). – № 3. – С. 16–28.
14. Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. – Москва, 2000. – № 1. – С. 4–15.

Voevodin A.P. A Social Law // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 3–17.

Social law is considered in the article as a sustainable form of social movement or, equivalently, as a way of social existence. Theoretical study of social law is extremely difficult psychological characteristics of individual reflection and cash forms of identity. In this regard, the article deals with the main mystery and the essential ways of being social law, decisive of which is the focus of human activity, which is fundamentally unremovable form the basis of social law. This means that in contrast to the natural, social law is not possible without individual goal-setting, psychological experiences and reflections of purpose in a specific symbolic form. A form of social movement virtual is perceived by people as an expedient way of implementing specific interest and achieve the desired goal. Thus, the social law is fundamentally different from natural law to its artificially created desirable form of human activity. Then compare social and natural laws reveals their paradoxical differences that are analyzed in this publication. The study of social law is faced with the paradoxes of universality, objectivity, feasibility, indeterminacy.

Keywords: indeterminacy, semantic field, social law, social emotion, social performance, purposeful activity.

References

1. Shul'ts P. Filosofskaya antropologiya. Vvedenie dlya izuchayushchikh psikhologiyu [Philosophical Anthropology. Introduction for Students of Psychology]. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0474/4_0474-84.shtml#book_page_top (Accessed: 24 October 2017)
2. Salas S. D. Moral' XXI veka [Moral of the XXI century]. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8346810 (Accessed: 24 October 2017)
3. Aristotel'. Nikomakhova etika [Nikomakh's Ethics]. Moscow: Mysl', 1983, Vol. 4. – p. 54.
4. Ogurtsov A. P. Ot printsiipa k paradigme deyatel'nosti [From Principle to Activity Paradigm]. Moscow, VNIITE, 1976, Vol. 10, pp. 189–239.
5. Voevodin A. P. Esteticheskaya antropologiya: Monografiya [Aesthetic Anthropology: Monograph]. Luhansk, RIO LUGVD im. E. A. Didorenko, 2010, 368 p.
6. Cimonov P. V. Vysshaya nervnaya deyatel'nost'. Motivatsionno-emotsional'nye aspekty [Higher Nervous Activity. Motivational-Emotional Aspects]. Moscow, Nauka, 1975, 173 p.
7. Shchedrovitskii G. P. Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva teorii deyatel'nosti [Initial Representations and Categorical Means of the Theory of Activity]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki, 1995, pp. 231–280.
8. Marks K., Engel's M. Kapital [Capital]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1960, Vol.1, 920 p.
9. Lektorskii V. A. Printsip predmetnoi deyatel'nosti i marksistskaya teoriya poznaniya [The Principle of Objective Activity and the Marxist Theory of Knowledge]. Ergonomika: Trudy VNIITE [Ergonomics: Proceedings]. Moscow, VNIITE, 1976, № 10, pp. 60–67.
10. Batishchev G. S. Protivorechie kak kategoriya dialekticheskoi logiki [Contradiction as a Category of Dialectical Logic]. Moscow, Vysshaya shkola, 1963, 120 p.
11. Batishchev G. S. Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskii printsip [The Activity Essence of Man as a Philosophical Principle]. Problema cheloveka v sovremennoi filosofii [The Problem of Man in Modern Philosophy]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 79–144.
12. Popovich M. Analitichna filosofiya kul'turi [Analytical Philosophy of Culture]. Kul'turologichna dumka [Culturological Thought]. Kiev, 2009, №1, pp. 9–18.
13. Voevodin A. P. Metodologicheskie vyzovy filosofskoi antropologii [Methodological Challenges of Philosophical Anthropology]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of the Crimean Vernadsky Federal University: Philosophy. Political Science. Culturology]. Simferopol, 2015, Vol. 1 (67), № 3, pp. 16–28.
14. Guseinov A.A. Etika i moral' v sovremennom mire / A.A. Guseinov // Eticheskaya mysl'. Moskva – 2000. № 1. – S. 4-15.